

TO THE FIRST ANNIVERSARY OF PROFESSOR L.H.FRIZMAN'S DEATH

ИВАН ФРАНКО В КОНЦЕПЦИИ ЛЕОНИДА ФРИЗМАНА

Луиза Оляндэр

Доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой,
Кафедра славянской филологии,
Восточноевропейский национальный университет имени Леси Украинки
(УКРАИНА), 43025, г. Луцк, проспект Воли, 13,
e-mail: olk32@ukr.net

UDC: 83.3(Укр)г

РЕФЕРАТ

Цель. Статья посвящена анализу концептуальных подходов выдающегося украинского ученого Л. Фризмана (1935 – 2018) к творчеству и личности И. Я. Франко в монографии Л. Фризмана «Иван Франко: взгляд на литературу» (2017), которая рассматривается в контексте современного литературоведения, в том числе и франковедения. **Исследовательская методика.** Для анализа использован синтез основополагающих методов и принципов научного исследования, среди которых прежде всего герменевтический, сравнительно-сопоставительный, типологический, поэтологический, биографический в их взаимосвязи и дополнительности. **Результаты исследования.** В статье последовательно раскрывается проблема *Иван Франко в концепции Л. Фризмана*, акцентирована специфика фризманского дискурса, подчеркнута его смыслообразующая функция, благодаря чему расширились возможности для углубленного осмысления критического наследия И. Франко, который доказательно представлен как писатель и критик мирового масштаба. **Научная новизна.** В ходе исследования охарактеризован вклад Л. Фризмана в научное осмысление специфических черт писательской критики И. Франко через язык писателя, поэтику заглавий статей, эпиграфов к ним, сочетание критики с публицистикой, жанрово-композиционное многообразие, художественные средства, через организацию (поли)диалогической ситуации; конкретизировано понятие «И. Франко – писатель мирового уровня». **Практическое значение.** Полученные результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения творчества не только И. Франко, но и других писателей, выступающих с критическими статьями. Научные наблюдения и выводы могут лечь в основу лекционных вузовских курсов по истории русской, украинской и зарубежной литератур конца XIX – начала XX вв. и теории литературы, использованы в школьном преподавании истории украинской литературы и характера отражения литературного текста в других видах искусства.

Ключевые слова: анализ, (поли)диалог, взгляд, дискурс, дискуссия, жанр, интерпретация, поэтика, ракурс, рецепция, реципиент, Франко, Фризман.

ABSTRACT

Luiza Oliander. *Ivan Franko in Leonid Frizman's Concept.*

Aim. The article is devoted to the analysis of the outstanding Ukrainian scientist L. Frizman's (1935–2018) conceptual approaches to the work and personality of I. Franko in L. Frizman's monograph «Ivan Franko: look at the literature» (2017), which is considered in the context of modern literary criticism, including Franko studies. **Research methodology.** For the analysis, the synthesis of fundamental methods and principles of scientific research was used, which includes hermeneutic, comparative, typological, *poetic, biographical methods in their interrelation and complementarity*. **The results of research.** The article reveals the problem – Ivan Franko in L. Frizman's concept, specificity of Frizman's discourse its meaning-making function are emphasized, allowing more opportunities for in-depth understanding of Ivan Franko critical heritage, who is conclusively presented as a writer and critic of the world scale. **Scientific novelty.** In the research, L. Frizman's contribution to the scientific understanding of the specific features of I. Franko's literary criticism through the writer's language, the poetics of the titles of articles, epigraphs to them, the combination of criticism with journalism, genre-compositional diversity, literary means, through the organization of the (poly) dialogical situation is characterized; the concept «I. Franko is a world-class writer» is concretized. **Practical value.** The results of the research can be used for further study of the works by not only I. Franko, but also other writers who come up with critical articles. Scientific observations and conclusions can form the basis of lecture courses on the history of Russian, Ukrainian and foreign literature of the end of the nineteenth century – early twentieth century, the theory of literature, can be used in school teaching the history of Ukrainian literature and reflection of the literary text in other art forms.

Key words: analysis, (poly)dialogue, view, discourse, discussion, genre, interpretation, poetics, perspective, reception, recipient, Franko, Frizman.

РЕФЕРАТ

Луїза Оляндер. *Іван Франко в концепції Леоніда Фрізмана.*

Мета. Стаття присвячена аналізу концептуальних підходів видатного українського вченого Л. Фрізмана (1935–2018) до творчості та особистості І. Я. Франка в монографії Л. Фрізмана «Іван Франко: взгляд на літературу» (2017), яка розглядається в контексті сучасного літературознавства, в тому числі й франкознавства. **Дослідницька методика.** Для аналізу використаний синтез основоположних методів і принципів наукового дослідження, серед яких перш за все герменевтичний, порівняльно-зіставний, типологічний, поетологічний, біографічний у їх взаємозв'язку і доповнюваності. **Результати дослідження.** В статті послідовно розкривається проблема *Іван Франко в концепції Л. Фрізмана*, акцентована специфіка фрізманівського дискурсу, підкреслена його смислотворча функція, завдяки чому розширились можливості для поглибленого осмислення критичного доробку І. Франка, котрий доказово представлений як письменник і критик світового масштабу. **Наукова новизна.** У ході дослідження схарактеризований внесок Л. Фрізмана в наукове осмислення специфічних рис письменницької критики І. Франка через мову письменника, поетику заголовків статей, епіграфів до них, поєднання критики з публіцистикою, жанрово-композиційне різноманіття, художні засоби, через організацію (полі)діалогічної ситуації; конкретизовано поняття «І. Франко – письменник світового рівня». **Практичне значення.** Отримані результати дослідження можуть бути використані для подальшого вивчення творчості не тільки І. Франка, але й інших письменників, які виступають з критичними статтями. Наукові спостереження та висновки можуть лягти в основу лекційних курсів у вищих з історії російської, української та зарубіжної літератур кінця ХІХ – початку ХХ

століття і теорії літератури, використані в шкільному викладанні історії української літератури та характеру віддзеркалення літературного тексту в інших видах мистецтва.

Ключові слова: аналіз, (полі)діалог, погляд, дискурс, дискусія, жанр, інтерпретація, поетика, ракурс, рецепція, реципієнт, Франко, Фрізман.

Лиш праця ржу зотре, що грудь з'їдає,
Чуття живе, неткнуте заховає,
Непросихаючу нору живить.
Лиш в праці мужа виробляєсь сила,
Лиш праця світ таким, як є, створила,
Лиш в праці варто і для праці жить.

Іван Франко

Кожне явище культури має
свій інтерпритаційний потенціал,
який набуває якнайповнішого розкриття,
вступаючи в контакти, у діалог з новими
історико-культурними контекстами.
Історія науки є не лише її пам'яттю,
а й її епістеміологічною лабораторією.

Марк Гольберг

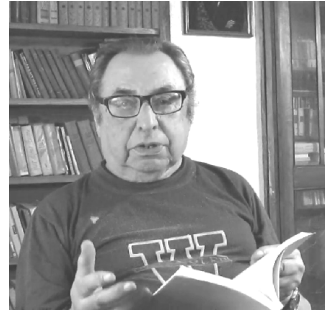
Выступая как литературный критик,
Франко всегда оставался при этом
писателем, беллетристом.

Леонид Фризман

Л. Г. Фризман, открывая свою монографию не обычно принятым вступлением, а «Беседой с читателем», беря эпиграфом слова В. Белинского «Критик и публика – это два лица беседующие», – устанавливает доверительные отношения с читателем и определяет особенную тональность всей книги. Выбранная ученым тональность не только окрашивает фризманский дискурс искренностью, но ставит читателя в положение со-думающего с автором и вступающего с ним в творческий диалог, а поэтому его четко обрисованная концепция, не растворяясь в представлениях *Иного*, взаимодействуя с ними, приобретает своеобразные оттенки. Иными словами, целостная в своей основе концепция Л. Фризмана обладает энергией *жизнетворчества*, ибо в процесс со-думания реципиентов с учёным, в условиях (поли)диалога активизируется и их взаимодействие с духовным миром И. Франко, а вместе с этим развивается и самосознание украинского – и не только – народа на современном этапе.

Очевидно, Л. Фризман ориентируется прежде всего на информированного читателя, которому нет необходимости всё пояснять, поэтому

его текст обладает подтекстовым и метатекстовым пространством. Но хотя этот читатель и равен ему, он, как правило, обладает иным опытом, а поэтому нарративная система книги местами содержит черты мемуарности, что тоже принадлежит к отличительными свойствами фризманского научного дискурса. «Беседа с читателем», заняв ключевую позицию, создает такую продуктивную коммуникативную атмосферу поиска истины, при которой профессиональный читатель-собеседник, со своей стороны, вдумываясь в сказанное автором книги, многое с ним разделяя, в то же время и возражает, и что-то добавляет от себя, а порой смотрит на проблему в ином ракурсе. И, если такие ракурсы возникают, тогда можно говорить и о степени эффективности коммуникативной стратегии Л. Фризмана.

Ярким примером, свидетельствующим об этом, является небольшая по объему, но глубокая по содержанию рецензия авторитетного украинского франковеда Е. К. Нахлика «Леонід Фрізман: погляд на Івана Франка». Рецензент, положительно оценив фризманский труд («праця... варта гідного пошанування»), заметил: «Впадає в око, що в монографії питання Франкової рецепції модерністських письменників назагал обійдене увагою» [19], что, по сути, является темой для монографического исследования. Не менее интересна в программном отношении и такая мысль Е. К. Нахлика: «Подекуди Леонід Фрізман стає на точку зору Франка там, де вона *потребує всебічного осмислення і пояснення, як ось у випадках із його „неоднозначною, суперечливою і мінливою“*, за визнанням ученого (с. 389), *увагою до творчості й діяльності Куліша або з упередженою оцінкою еволюції Каспровича в бік модернізму*» [19; курсив наш. – Л. О.].

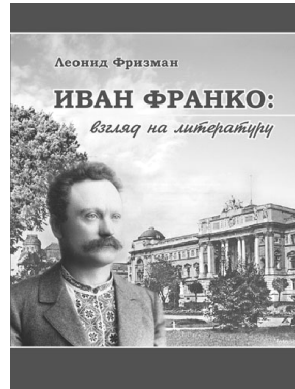
При восприятии слов Е. К. Нахлика со всей очевидностью осознаётся, что они не только, а, возможно, и не столько являются указанием на неохваченное Л. Фризманом, сколько побуждением к дальнейшему изучению и осмыслению поставленных в рецензируемой монографии проблем. И дискурс Л. Фризмана «провоцирует» своего реципиента на размышления и дискуссию, стимулируя его творческую мысль. В связи с этим необходимо, осмысляя проблему «Иван Франко в концепции Л. Фризмана», акцентировать на специфике самого дискурса учёного, на его смыслообразующей функции.

Определяя в «Беседе с читателем» приоритетные направления своей монографии, Л. Фризман подчеркнул, что «предметом самостоятельного

анализа станет поэтика... заглавий...» статей И. Франко. Но сказанное относится и к заглавию труда самого Л. Фризмана. Вот почему начать размышления над его монографией необходимо с прочтения ее заглавия – «Иван Франко: взгляд на литературу», т. е. с *претекста*, который не только говорит о том, что Л. Фризман наряду с современными литературоведами (О. В. Богдановой [1], Е. М. Васильевым [26], Т. И. Гундоровой [15], Б. Ф. Егоровым [5], С. И. Казначеевым [17], И. В. Козликом [18] и др.¹) возрождает жанр *взгляда*, модернизируя его, но и о большом и сложном содержании, закодированном в нём, и через определение ракурсов, характерных для *взглядов И. Франко – Л. Фризмана – реципиента*, нацеливает на (поли)диалог [см. подробно: 22].

Прежде всего обращает на себя внимание синтаксис названия: «Иван Франко: взгляд на литературу». Первая часть представительная, сообщающая о появлении писателя: *Иван Франко!* Имя, которое несомненно говорит уже само за себя, но поставленное в заглавие оно вызывает ожидание, которое оправдывается названиями и содержанием глав («Становление», «На что направлен взгляд») и логикой всей композиции книги. При этом необходимо отметить документированную последовательность в раскрытии образа Франко: в «Становлении» – формирование писателя и подлинного патриота, энциклопедиста, но с акцентом на зарождение в нём темпераментного, не кабинетного критика, а борца: «Когда ему доводилось спорить по живо волновавшим его вопросам, – отмечает Л. Фризман, – в нём пробуждался страстный, неуёмный и непримиримый полемист, от которого противнику не стоило ждать пощады» [10, с. 73].

В каждой главе монографии есть отправные точки, которые не только устраняют видимость фрагментарности изложения материала, но и объясняют смыслообразующую функцию избранной Л. Фризмано композиционной организации книги – деления текста на главы с тем названием, которые они получили, а также на их последовательность. Так, глава «Становление», говоря о направлении и факторах формирования И. Франко, одновременно проясняет, почему франковский анализ творчества Тараса Шевченко выделен отдельно: этим не только

¹Не все авторы вынесли жанроопределяющее слово «взгляд» в заглавие своих монографий, но выразили это в элементах дискурса и в самой его структуре [см. об этом: 22].

подчеркивалась исключительная роль Кобзаря в украинской литературе, но и важность этого эпизода для характеристики внутреннего мира Каменяра. И более того, таким образом Л. Фризман даёт понять, что Шевченко для Франко оставался краеугольным камнем в его художественно-философских и эстетических взглядах, лежал в основе его самостоятельного мировоззрения и миропонимания. В свою очередь, раздел «На что направлен взгляд» указывает на неуклонную целеустремленность Франко-критика. Названия последующих глав определяет многовекторность взглядов писателя, широту и глубину охвата прежде всего европейской литературы. Глава седьмая – «Взгляд на западных классиков» – свидетельствует не о фрагментарности, а о концептуальности и историзме подхода Франко к западноевропейскому литературному процессу (каждое имя – Данте, Шекспир, Гёте, Байрон – это качественно новый этап, оказывающий воздействие и на славянские литературы). Не менее значим по своему смыслу и избранный Л. Фризманом хронологический принцип подачи статей Франко, что дает возможность реципиенту в метатекстовом пространстве, опираясь на свой тезаурус, восстановить особенности исторической ситуации, в которой они создавались. Таким образом, первая составляющая названия монографии получила своё раскрытие уже в её общей композиции.

Вторая часть названия – «...взгляд на литературу» – определяет хронологический многовекторный ракурс исследования, ведущую роль в котором играет *взгляд И. Франко*. Сюда входят его историко-литературные статьи о творчестве украинских писателей, которые были отдалены от него большим отрезком времени, и критические отзывы на его современников. Одновременно *взгляд* самого И. Франко для Л. Фризмана предстаёт объектом осмысления, понимания и раскрытия эволюции идейно-эстетических позиций писателя и мыслителя, эволюции его личности. И здесь особое внимание привлекает к себе корреляция заглавия монографии с названиями третьей и шестой глав: «Взгляд на предшественников» и «Взгляд на современников». Тут надо отметить одну существенную особенность дискурса Л. Фризмана. Несмотря на его многочисленные подчеркивания личностности своего суждения (типа: «Я выскажу мысль» [10, с. 4], «... мы располагаем...», [10, с. 56], «Полагаю..., что Франко» [10, с. 157], «у меня нет намерения» [10, с. 450], «Я не знаю, довелось ли Франко...» [10, с. 498] и т. д.²), учёный

---

² Попутные замечания. То, что О. Богданова в «Современном взгляде на русскую литературу...» дала к тургеневской главе заглавие словами писателя: «„Кто тут прав, кто виноват <...> решить не берусь...“: „Отцы и дети“ И. С. Тургенева» [1, с. 201], примечательно тем, что раскрывает перспективу для диалога и дальнейшего исследования поднятых писателем проблем. Подобное, по моему мнению, имплицитно сокрыто за словосочетанием *крізь призму* в названии книги И. Козлика «Професія крізь призму людя-

умеет «оставить» читателя с глазу на глаз с самим писателем, устраняя своё посредничество. В частности, стоит только читателю, следуя за автором, в фразе: «...минимального внимания к тональности... достаточно, чтобы убедиться, что Франко не только представлял нам Вишенского как мастера иронии, но был таковым и сам» [10, с. 157], – переключиться на франковскую *тональность*, как перед ним предстаёт поражающий своим страстным и энергичным напором сам И. Франко с его характеристикой Ивана Вишенского: «был горячим пропагандистом», «бросает в народ пламенные послания», обращается «к грамотной и неграмотной массе на языке для неё почти совсем понятном, сильном и энергическом» и т. д. [6].

Следующий ракурс – взгляд автора из XXI века и, наконец, третий, *затекстовый*, ракурс – множественного читателя-сотворца⁽ⁿ⁺¹⁾. В результате точно обозначается своеобразная канва напряженного «сюжета» из перекрёстных ракурсов: творчество И. Франко и он сам как личность становятся центром притяжения внимания к себе многих поколений, чьи голоса, звучащие в разные эпохи, образуют диалогический континуум. Акцентированная эпиграфом установка на диалог усиливается передающим фризмановский эвристический темперамент определением исключительной роли И. Франко: «Я выскажу мысль, которая скорее всего вызовет взрыв встречных страстей: считаю Ивана Франко крупнейшим, а по объёму и разносторонности вклада, внесённого им в украинскую литературу, несопоставимым ни с кем из ее деятелей» [10, с. 4; курсив наш. – Л. О.]. Здесь относящееся к Л. Фризману словосочетание «*взрыв встречных страстей*» одновременно пробуждает в памяти и образ самого И. Франко-борца. Мысль о бесстрашии Каменяра становится стержневой, пронизывающей ткань фризманского текста: начавшись с затекстового намёка, она закольцовывается главой «Орёл со сломанными крыльями». Иными словами, за тщательным литературоведческим анализом статей И. Франко и уникальной книги «Данте» предстаёт образ живого гениального человека. И чтобы читатель не утрачивал переживание этого впечатления, Л. Фризман подчёркивает своё намерение и в дальнейшем показывать И. Франко искренним во всём – в мыслях и чувствах. Вот почему исследователь рядом полагает и франковскую статью «Слово о критике» (1896), в которой писатель указывает на необходимость «язык чувства перевести на язык разума» [10, с. 8], со статьёй «Памяти Маркияна Шашкевича», где гово-

---

ности» [18]. Стимулирующе роль в поиске истины играет и заголовок монографии Т. Гундоровой: «Франко не Каменяр» [15], который звучит как возражение привычному (даже шаблонизированному в массовом употреблении) метафорическому определению писателя.

рится: «...открытое сердце не мысль! Оно не взято из литературы, потому что оно дар природы, оно вносит в литературу свой колорит» [10, с. 9]. Этим рядоположением Л. Фризман аргументирует свой подход к раскрытию темы, которую он понимает «шире стандартной формулировки: «Франко – литературный критик» [10, с. 4] и своего ракурса: «Я, – пишет исследователь, – не раз и не два буду обращать внимание моего читателя на то, что Франко-критик вовсе не был склонен воздерживаться от прямого выражения своих чувств, которые ни на какой другой язык не переводятся, а успешно сосуществуют с мыслями, в которых тоже не обнаруживается недостатка» [10, с. 9].

Свой ракурс видения И. Франко Л. Фризман поясняет от момента его формирования, – это и коды зарождения самой исследовательской идеи. Замыслу книги о Франко-критике способствовали прежде всего мысли Б. Ф. Егорова о том, что «литературоведческий труд немислим без анализа формы» [4, с. 7]³. Далее – скрупулёзный учёт сделанного в украинском франковедении, включая наработки А. И. Белецкого, Г. Д. Вервеса, А. В. Чичерина⁴ и др. Названные имена – это и коды, по которым в

---

³ При упоминании имени А. В. Чичерина ассоциативно (в метатекстовом пространстве фризмманской монографии) в памяти возникает не только его работа «Іван Франко і проблеми зарубіжної літератури» (1984), но – что не менее важно – и характеристика этого выдающегося учёного и глубокий анализ его методологического подхода к анализу литературных явлений, представленные в книге И. В. Козлика [см.: 18, с. 30–56].

⁴ Приведу – без сокращений – два письма Л. Г. Фризмана, написанные накануне его кончины. Первое письмо адресовано доктору филологических наук, профессору кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова Сергею Ивановичу Кормилову (который любезно предоставил его для публикации), второе – мне.

1. Письмо адресованное профессору С. И. Кормилову от 18 июня 2018 г.:

«Дорогой Сережа! Спасибо за важную информацию. Моими архивными делами тебе заниматься не придётся. Чудесным образом нашёлся человек, который мне успешно помогает и, как я надеюсь, доведёт дело до конца. Он скопировал и переслал мне опись фонда и я уже отправил два заказа. 24-го он вернётся из отпуска и перешлёт мне дополнительные сведения, опираясь на которые я подготовлю ещё один заказ и проблема (дай-то Бог, чтобы всё сложилось, как хочется!) будет полностью решена. Моя книга будет включать роскошное «Приложение» – страниц 200 не публиковавшихся произведений Коржавина! Просто дорога легла под ноги! Я установил хороший контакт с его дочерью, через неё вышел на него (он, как я понял, совершенно беспомощен, слеп, что ли), его разрешение работать с его бумагами и публиковать их уже отправлено в архив, а у меня есть копия. Надо только, чтобы не произошло никаких технических сбоев и задача будет решена. За рецензию на Франко буду тебе очень благодарен. Всё передумав и восприняв отзывы крупнейших франковедов Украины, я пришёл к убеждению, что эта книга – высшее научное достижение в моей жизни. Будем откровенны и «Такая судьба», и мемуарный сборник, при всем успехе, который они завоевали, это ведь публицистика. А здесь я вправе сказать, что такой книги о ПИСАТЕЛЕ-КРИТИКЕ нет в мировой литературной науке, что ни один писатель-критик не изучался в тех аспектах, которые разработаны мной. Да, она сделана по программе Егорова, но сам-то Егоров эту программу не реализовал. Да, он выпустил сборник статей о мастерстве лит. критики, но ведь почти все эти статьи – о ЖАНРАХ, т. е новизна-то минимальна А у меня сделана попытка показать образность, эмоциональность стиля, поэтику заглавий, композиции, средства полемики – то, чего нет ни у кого, а о Франко написано немало.

подтекстовом и мататекстовом пространствах скрывается обширное и многоаспектное полотно, состоящее из *постижений* отдельных аспек-

---

Ты не ответил на мой вопрос: куда Луиза должна слать рецензию: мне, тебе или прямо в журнал? Назначая ей середину августа, я и рассчитывал, что в редколлегии она попадёт к началу сентября.

Надеюсь, что тебе удастся организовать эффективное и результативное лечение твоих хворей. Мне на это надеяться не приходится, я могу лишь попытаться замедлить процесс ухудшения, который, увы, имеет место. Я в близком будущем могу бы написать тебе об этом отдельное, подробное письмо, потому что это чрезмерно затянулось. Но суть такова: вылечить паркинсонизм нельзя, как нельзя вылечить диабет. С ограничениями, которые он налагает, все-таки можно жить и главное средство проще пареной репы. Ходить трудно, а надо ходить и ходить как можно больше. Самое важное лекарство – тренировки. Пока не наступила зима и не обледенели тротуары, я все-таки хожу в бассейн пешком и вижу, что 3-тий – 4-тый километр я иду лучше, чем первый. Обнимаю тебя, мой дорогой! У меня постоянно в памяти последняя встреча с Макогоненко. Это было в Пушдоме недели за две до его смерти, он уже всё знал. Когда я спросил: „Как Вы, Георгий Пантелеймонович?“, ответил: „Держусь. А что делать?“

Твой Л.Ф.»

2. Письмо, адресованное профессору Л. К. Оляндер от 24 июня 2018 г.:

«Дорогая Луиза Константиновна! Боюсь, что мои размышления оказались бесплодны и письмо будет невинным – уж простите! Конечно, главное можно спрессовать в одно слово „Спасибо!“, хоть это ничему не поможет, начну с этого. Я очень благодарен Вам и судьбе, за то, что мой „Франко“ попал всё же на Ваш суд. Хотя я имею отзывы о нем самых что ни на есть именитых специалистов, никто из них мне так не близок и таким доверительным моим отношением не пользуется. Вам я скажу то, чего не говорил никому. Сам я считаю эту книгу высшей точкой своего научного творчества. Именно научного, потому что книги, принёсшие мне громкую славу, были в значительной мере публицисткой. Я различаю два уровня науки: наука открытий и наука популяризации. Последнюю до „Франко“ книгу, которая принадлежит науке открытий, я выпустил ровно сорок лет назад, это монография „Декабристы и русская литература“ (1988). Я не могу считать „Франко“ **своим** открытием. Идея о необходимости анализировать критику так, как анализируется художественная литература, в аспекте формы и вообще подхода к ней как к произведению искусства, выдвинул Егоров ещё в 50-х гг. прошлого века. Но в своей книге о мастерстве лит. критики он за это по существу не взялся: она на 90% о жанрах критики. Вот я решил руководствоваться указанием Наполеона: великий полководец не тот, кто разработал гениальный план сражения, а тот, кто взял на себя ответственность привести его в исполнение. И смею думать, что сегодня в науке НЕТ такой книги о любом писателе-критике, как моя, хотя бы по той причине, что и писателя-критика такого нет, который открывал бы такие возможности: использование образных средств, искусство композиции, поэтика названий, анафоры, эпифоры и все подобное. Я считаю, что статьи Франко о Золя создают художественный образ этого писателя и стремились это показать. Сумел ли, не знаю, но из попыток решения таких задач и состоит вся книга. Как Вы на это посмотрите – меня очень интересует и волнует. Скажу, обгоняя Вас как рецензента, что и недостатки книги я вижу сам и никакого снисхождения к ней не выпрашиваю.

Еще раз благодарю за то, что Вы согласились потратить на меня время.

Низко кланяюсь Ваш Л.Ф.»

Эти письма, как и опубликованное в Интернете его интервью [см.: 9], говорят не только о том, что Л. Г. Фризман не переставал думать об И. Франко, продолжая трепетно к нему относиться, но и о том, что опыт реализации в книге о Франко процитированной егоровской мысли открыл Л. Г. Фризману дорогу к следующему масштабному замыслу – книге о Науме Коржавине (эту книгу Леонид Генрихович не успел полностью осуществить, уйдя из жизни через пять дней после смерти своего героя; полностью написана только первая часть коржавинской монографии, увидевшая свет уже посмертно – см.: Фризман О. Г. «Неоконченное значит недосказанное...»). Книга о Науме Коржавине: монография / подгот. текста Е. А. Андрущенко. Киев: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2018. 244 с.). При этом в свете приведенных писем монография Л. Г. Фризмана «Иван Франко: взгляд на литературу» предстаёт не только как славный итог плодотворной деятельности украинского учёного-литературоведа, но и как перспектива для дальнейших исследований в этом – стилистическом – направлении, литературно-критических опытов других писателей, и прежде всего, на наш взгляд, Леси Украинки.

тов творчества И. Франко, за которыми мерцает целостный его образ и, при усилении воображения и охвате всего сделанного писателем, целостное представление о культурном деятеле. Но это можно только предчувствовать, ибо синтезировать такое разнообразие, а то и разноречие чрезвычайно трудно.

Как известно, когда живописцы создают портрет человека, они его изображают в анфас или в профиль, в разных положениях тела и т. п. Это может метафорически изображать, что происходит при литературоведческом анализе или интерпретации творчества писателя: с одной стороны, писатель неизменно предстаёт в определенном – избранном исследователем – ракурсе, но с другой – остается и потребность в полноте образа. И Л. Фризман через анализ поэтики, стиля складывает образ И. Франко так, чтобы он предстал как целостная личность в её развитии, прослеживая внутреннюю динамику разворачивания художественно-философской мысли писателя, формирования его художественно-эстетической концепции, понимания предназначения искусства, теоретического обоснования критики, специфики его подходов.

Л. Г. Фризман своим трудом о Франко-критике входит в многоликое и многоаспектное пространство имеющего свою длительную историю современного франковедения, в котором встречаем имена О. Г. Бурдеги, Г. Д. Вервеса, Р. Б. Голода, М. Я. Гольберга, Т. И. Гундоровой, С. А. Ефремова, М. М. Ильницкого, Е. К. Нахлика, Т. В. Пастуха, Т. Ю. Сальги, Е. С. Соловей и многих др. [См.: 3; 4; 12; 13; 16; 20; 23; 24; 25; 27; 29; 30]. Весь накопленный в науке о Франко опыт образует единый, но контроверзный в своём многогласии континуум, который отражает яркую картину истории функционирования франковского творческого наследия во времени и пространстве, включая его актуальное бытие в современной культуре. «Франко, – пишет в 1997 г. Т. В. Пастух, – виявляє високий ступінь генологічної свідомості не лише як художник-романіст, а й як і в українському літературознавстві теоретик та історик форм великої прози. Він визначив поняття „тип роману” і накреслив історичну типологію жанру. Відштовхуючись від історії його розвитку, Франко передбачив дальшу еволюцію роману від соціального аналізу оточення до психологічного аналізу особистості героя, його внутрішнього буття» [23]. Даже самый беглый взгляд на существующие работы убеждает, что И. Франко выступает в них яркой фигурой в мировой культуре.

И Л. Г. Фризман не является тут исключением. Учёный последовательно воплощает мысль о мировом значении И. Я. Франко. Уже в «Беседе с читателем» Франко как ярчайший представитель писательской критики назван принадлежащим «не только Украине, он достояние ми-

ровой культуры», что подтверждают «книги о нем, выходящие на всех языках мира» [10, с. 23]. Это определение получит свое развитие во многих главах фризмановской монографии, особенно интересно оно будет развернуто во второй главе «На что направлен его взгляд», где речь идет, в частности, и об Э. Золя, которого писатель высоко ценил. И важно отметить, что И. Франко представлен не просто созвучным великому французскому романисту, но и как самостоятельно мыслящий художник и критик, обладающий своей философско-эстетической системой взглядов. Причём Л. Фризман, никого не повторяя, вносит свой вклад в освещение этой темы, показывая мировой масштаб Франко на основе анализа стиля его статей (см. анализ отзывов Франко на романы Э. Золя, особенно в случае полемического акцента относительно слова «земля» [см.: 10, с. 116–121]).

Однако размышления над результатами франковедения, монографией Л. Фризмана, рецензией на нее Е. Нахлика приводят к мысли, что разработанные И. Франко-критиком проблемы не только до конца ещё не изучены, но они и не осмыслены в полной мере в своей крайней злободневности. В связи с этим необходимо, на наш взгляд, детальнее остановиться на ярких и мастерски написанных страницах фризманской монографии, где раскрываются отношения И. Франко к творчеству А. Пушкина, в отношении к которому у Франко, по словам Л. Фризмана, с удивительной естественностью сочетаются объективный и временами обостренно «субъективный», лучше сказать, глубоко личностный походы. Здесь упрёк Е. Нахлика, адресованный Л. Фризману относительно П. Кулиша и Я. Каспровича, частично может быть отнесён и к некоторым суждениям исследователя об А. Пушкине. В частности, Е. Нахлик пишет: «Подекуди Леонід Фрізман стає на точку зору Франка там, де вона потребує всебічного осмислення і пояснення, як ось у випадках із його „неоднозначною, суперечливою і мінливою“, за визнанням ученого, увагою до творчості й діяльності Куліша або з упереженою оцінкою еволюції Каспровича в бік модернізму» [19].

В творчестве А. Пушкина, как известно, заложено, как на генном уровне, всё то, что будет развиваться в дальнейшем, но не в смысле простого следования (хотя и это не исключается), а в смысле творческой стимуляции (и не только писателей). Сбрасывание Пушкина с корабля – это тоже в какой-то мере от А. Пушкина, который всё время вызывает на диалог и не даёт спокойно почивать на лаврах. Не случайно, например, дискурс монографии О. Богдановой «Современный взгляд на русскую литературу...», активизируя воображение читателя, позволяет ощутить тот духовный мир, ту Россию, которую, по словам М. Мамардашвили, создал А. Пушкин и последующая за ним плеяда

русской классики. Явственно осознаётся в какой-то особой глубине формула А. Григорьева «Пушкин – наше всё», но не в апологическом смысле, как представил её в своем закономерном протесте против любой аллилуйщины Л. Фризман, а в зарождении и развитии сотворённого А. Пушкиным образа духовной России. Вдумываясь в григорьевскую формулу с украинской точки зрения (ведь и об И. Франко можно сказать: «Франко – наше всё»), её можно наполнить иным смыслом, ибо великий Каменяр осуществил то, что содержится в поэтическом завете Тараса Шевченко: «И чужому навчайтесь і свого не забувайте». И если осознать этот завет, слегка перефразировав В. Соловьёва, то получим выражение не постулата «нравственного закона, а прямую образную силу нравственной действительности».

В связи с этим здесь обратим внимание лишь на некоторые моменты в франковском «Передньому слові до «Перебенді», где писатель во многом упрекает и А. Пушкина и Т. Шевченко [см. подробнее: 21]. Весь стиль некоторых фрагментов этой статьи, несмотря на то, что И. Франко высоко ценил А. Пушкина, называя его в других работах гением и великаном [8, с. 285] великим корефеем [7, с. 70], чрезвычайно экспрессивен в выражениях гнева: «*кричить він до товпи*», «*дикі погляди Пушкіна-об'єктивіста*», «*...подвійна брутальна сила*» и т. п. Отмечая вслед за Л. Фризманом глубокий и последовательный демократизм И. Франко [см.: 10, с. 368–385], необходимо вспомнить, что украинский писатель, разделяя взгляды Н. Добролюбова и Д. Писарева в определенный период своей деятельности, отдавал предпочтение не эстетичным ценностям в произведениях искусства, а их социальной направленности. Этим объясняется его резко отрицательное отношение к доктрине «искусство для искусства», которую он ошибочно увидел у А. Пушкина. Однако это была не столько ошибка И. Франко, сколько тот франковский ракурс, та его обострённая реакция на слова «живи один», которые позволяли ему последовательно и активно отстаивать свои демократические позиции: «Після Белінського по короткій перерві, – читаем у И. Франко, – виступає Добролюбов, котрий, *відкинувши набік всяку естетику*, стає на ґрунті чисто суспільнім, говорить не о творах белетристичних в приложенню до законів естетики, але говорить при спосібності белетристичних творів о явищах дійсного життя і причинах, викликаючих такі явища» [7, с. 67; курсив наш. – Л. О.].

Конечно, И. Франко преувеличивал влияние А. Пушкина на Т. Шевченко, утверждая, что на него упала тень от доктрины «искусство для искусства», которую и русский поэт всё-таки не исповедовал [7]. Однако, на наш взгляд, здесь всё-таки важно было бы отметить (чего в монографии нет) ещё одну существенную черту И. Франко-критика: его умение

понять другого, объяснить себе и другим, где кроются корни рассматриваемого явления: «Не забуваймо, – читаем у Франко, – прецінь же, що як артист-маляр він <Шевченко> тоді був учеником Академії художеств, де того часу панував ще фальшивий класицизм, на розріз протиний тому живому реалізму, за яким він майже несвідомо пішов у своїй поезії, і що там, в Академії мусив він від Брюллова і других набратися естетичних формулок о чистій, божественній штуці» [7]. В этом высказывании И. Франко, ещё задолго до Х.-Г. Гадамера воплощён принцип тех диалогических отношений, которые немецкий философ сформулировал в своем ответе Ж. Деррида: «... не йдеться про спробу використати чинсь слабкість, щоб доказати свою рацію, а йдеться про намагання будь-яким шляхом підсилити точку зору іншого так, щоб ця точка зору дедалі просвітлювалась» [11, с. 224]. Вот почему франковское «не забуваймо» – это призыв к пониманию, к прояснению позиции Другого. И этот принцип *понимания / прояснения* в разных аспектах утверждается И. Франко, в том числе и тогда, когда он на закате своих дней будет переводить А. Пушкина, *показывая* его, как это очень тонко подметил Л. Фризман. Через осознание Пушкина И. Франко осознал и своё – то своё, которое нередко ставило его в диалогические отношения к русскому поэту. И даже и в противостоянии И. Франко был не только оппонентом, идя путем закона собственного творчества, о чем явственно говорится и у Л. Фризмана. А главное – и Л. Фризман совершенно справедливо подчёркивает это, – как бы глубоко не ценил И. Франко писателя, он никогда безоглядно не восхвалял его. И в следовании этому принципу не было исключений.

Вчитываясь в книгу Л. Фризмана, нельзя не заметить, что каждый фрагмент той или иной её главы наталкивает реципиента на размышления разнонаправленного характера. Взять, к примеру, главу восьмую «Взгляд на польских поэтов» [10, с. 533–580], где рассматриваются «поэт-герой» Северин Гощинский (1801–1876), Ян Каспрович (1860–1926), Мария Конопницкая (1842–1910), Адам Мицкевич (1798–1855) и статья Франко 1883 г. «Наш взгляд на польский вопрос».

Уже беглый взгляд на композицию указанной главы вызывает вопрос: почему эти поэты идут в алфавитном порядке? Ведь, если посмотреть на даты и соотнести их с развитием литературного процесса в Польше, то возглавить список должен был бы А. Мицкевич, а завершить Я. Каспрович. Формально здесь компановка глав определяется временем написания статьи И. Франко. И в этом тоже содержится смысл, ибо каждая дата – тоже часть текста, которая должна быть прочитана. Но в главе о польских писателях всё оказалось сложнее. Здесь важно сказанное о фризмановской монографии Е. Нахлик: «У ній

простежується становлення Франка як літературознавця, з'ясовується, на що спрямований його погляд (на „явища дійсного життя” і „людську душу»)» [19]. Но это только частичный вывод, полный же раскрывается тогда, когда в процессе чтения заглавие статьи о С. Гощинском «Поэт-герой» С. Гощинского соотносится с описанием той атмосферы, которая сложилась вокруг И. Франко, выступившего со статьей «Поэт зради» («Поэт измены»). И тут лишенный всякой патетики фризмановский дискурс, опирающийся исключительно на факты (увольнение непоколебимого И. Франко с работы, угрозы физической расправы, распространение карикатур на него и мн. др.) приводит к выводу: Великий Каменяр (Каменщик) – поэт-герой. А статья Франко об А. Мицкевиче, говорящая одновременно и о её авторе, органично подводит к заключающему монографию Фризмана тексту под названием «Орёл со сломанными крыльями» [см.: 10, с. 581–585].

В заключение сто́ит, по нашему убеждению, привести слова из написанного М. Грушевским некролога и имеющим название «Світлий пам'яті Івана Франка» (1916): «Наукова спадщина покійного Івана Франка надзвичайно багата і цінна. Його суспільна спадщина – так само; поетична – тим більше. Але ще цінніше, – і, на мою думку, найцінніше, що залишилося від померлого, це його власний образ, – та дивовижна поема творчості та праці, якою було його власне життя.

Цей син сільського коваля з Галицького Підкарпаття, який усе життя, серед різноманітних перешкод, переслідувань, турбот про насущний хліб для родини, у проміжках між арештами, не припиняв кувати ланки нового «золотого ланцюга» українського національного відродження, є явищем надзвичайно високим. І, можливо, його підносячий, підбадьорливий, зміцнюючий вплив ніколи не буде таким цінним, як саме в наш час найбільших лих, що впали на український народ, на українське культурне та національне життя.» [14].

Вдумываясь в итоговую мысль М. Грушевского – «...найцінніше, що залишилося від померлого, це його власний образ», – нетрудно, спроецировать её на концептуальный взгляд Л. Фризмана на Ивана Франко и понять, что он опирался именно на этот постулат. Раскрывая тему «Франко – критик», учёный исходил из целостности уникальной франковской личности. Сосредоточённость Л. Фризмана на стиле критических работ великого писателя не только служит углублённому проникновению в их содержание, что чрезвычайно важно, но и создаёт яркий его образ. Ведь, как говорил Жорж-Луи Леклерк де Бюффон (1707–1788), «стиль... – это сам человек: стиль нельзя изъять, похитить, исказить: если он возвышен, благороден, величествен, автор снищет равное восхищение во все века, ибо долговечна и даже бессмертна одна

лишь истина. Прекрасный же стиль прекрасен лишь благодаря бесконечному числу воплощаемых им истин. Все умственные красоты, ему присущие, все связи, его созидающие, суть истины, столь же полезные для разума человеческого и, быть может, столь же бесценные, что и те истины, какими богат сам предмет» [2].

Лебединая песня выдающегося украинского русиста Леонида Генриховича Фризмана (1936–2018), которой волею судеб оказалась его книга «Иван Франко: взгляд на литературу» (2017), стала событием не только в франковедении. Теперь, когда автора не стало, его труд – наряду с такими трудами мужества и отваги, как, скажем, «Під сигнатурою Софії» (2008) Сергея Крымского и не литературоведческой, но обладающей научной ценностью книгой «Homo feriens» (2011) Ирины Жиленко, служит путеводной звездой беззаветного и мужественного служения научной истине и подлинной культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданова О. В. Современный взгляд на русскую литературу XIX – середины XX вв. : монография. Изд. 2-е, доп. Санкт-Петербург : ИПК Береста, 2017. 560 с.
2. Буффон Ж.-Л. Л. де. Речь при вступлении во Французкую Академию. *Новое литературное обозрение*. [Москва] 1995. № 13. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/LITRA/BUFFON.HTM> (дата обращения: 14.05.2019).
3. Бурдега О. І. Франко в оцінці С. Єфремова (на матеріалі праці «Співець боротьби і контрастів»). *Українське літературознавство*. Львів, 2008. Вип. 70. С. 211–220.
4. Егоров Б. Ф. О мастерстве литературной критики. Жанры. Композиция. Ленинград : Сов. писатель, 1980. 316 с.
5. Егоров Б. Ф. От Хомякова до Лотмана. Москва : Языки славянской культуры, 2003. 363 с.
6. Енциклопедія життя і творчості Івана Франка. URL: <https://www.i-franko.name/ru/Hist/Lit/1889/loannVyshenskyj.html> (дата звернення: 12.04.2019).
7. Франко І. Передне слово до «Перебенді» [До видання: Шевченко Т. Г. Перебендя... Львів, 1889]. Вплив Пушкіна. Зібрання творів : у 50 т. Київ : Наук. думка, 1980. Т. 27. С. 285–307. URL: <https://www.i-franko.name/uk/Hist/Lit/1889/PerebenджаPreface/VplyvPushkina.html> (дата звернення: 12.04.2019).
8. Франко І. Твори : у 20-и т. Київ : Держ. видав. худ. літ., 1955. Т. XVIII. 560 с.
9. Л. Фрирман об Иване Франко. URL: https://www.youtube.com/watch?v=2YLC_yYI-Zw (дата обращения: 12.04.2019).
10. Фрирман Л. Г. Иван Франко : взгляд на литературу. Киев : Издательский дом Дмитрия Бурого, 2017. 606 с.
11. Герменевтика і реконструкція : дискусія Г.-І. Гадамера та Ж. Дерріди. Слово. Знак. Дискурс. Антологія світової літературно-критичної думки XX ст. Львів : Літопис, 1996. С. 223–226.
12. Гольберг М. Я. Иван Франко і методологічні засади. *Проблеми слов'янознавства*. Львів, 1999. Вип. 50. С.23–35.
13. Голод Р. Б. Поетика імпресіонізму в художній творчості І. Франка. *Українське літературознавство*. Львів, 2006. Вип. 68. С. 84–91.
14. Грушевський М. Світлій пам'яті Івана Франка. *Твори у 50-и т.* Львів : Світ, 2005. Т. 3. С. 481–485. URL: <https://www.m-hrushevsky.name/uk/BioStudies/1916/SvitlijPamjatiIvanaFranka.html> (дата звернення: 14.05.2019).
15. Гундорова Т. И. Франко не Каменяр. Київ : Критика, 2006. 346 с.
16. Ільницький М. Все, що мав у житті. Повість Івана Франка «Перехресні стежки» в світлі авторської особистості. *Жовтень*. 1986. № 8. С. 105–116.
17. Казначев С. М. Современные русские поэты. Москва : Институт бизнеса и политики, 2006. 304 с.
18. Козлик І. В. Професія кризь призму людяності. Івано-Франківськ : Симфонія форте, 2016. 228 с.

19. Нахлік Є. Леонід Фрізман: погляд на Івана Франка. *Zbruc*. 2018. 17 травня. URL: <https://zbruc.eu/ho/de/79826> (дата звернення: 12.05.2019).
20. Нахлік Є., Нахлік О. Іван Франко та Євгеній Желєхівський : амплітуда взаємин. *Українська мова*. 2011. № 3. С. 3–18.
21. Оляндєр Л. К. Пушкин в рецепциях И. Франко, И. Дзюбы, Е. Сверстока и С. Бурого. *Мова і культура*. Київ : Вид. дім Дмитра Бурого, 2018. Вип. 21. Т. IV (193). С. 244–253.
22. Оляндєр Л. К. Жанр «взгляд» и его модификация : монографія О. В. Богдановой и Л. Г. Фризмана в контексте монографий Е. М. Васильева, Т. И. Гундоровой, Б. Ф. Егорова, В. Б. Мусий и др. *Питання літературознавства*. Чернівці, 2018. Вип. 98. С. 342–355.
23. Пастух Т. В. Романи Івана Франка : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.01.01. Львів, 1997. 16 с. URL: <http://cheloveknauka.com/romany-ivana-franko#ixzz5mxByTMyB> (дата звернення: 12.04.2019).
24. Салига Т. Воздвиження храму. Львів : Світ, 2008. 504 с.
25. Соловей Е. Єфремов і Франко (до 130-х роковин Сергія Єфремова). *Слово і Час*. 2006. № 10. С. 3–6.
26. Васильєв Є. М. Сучасна драматургія : жанрові трансформації, модифікації, новації. Луцьк : Твердиня, 2017. 532 с.
27. Вервес Г. Д. Повесть Івана Франка «Lelum i Polelum». *Міжслов'янські літературні взаємини*. Київ, 1963. Вип. 3. С. 108–134.
28. Єфремов С. Історія українського письменства. Київ : Феміна, 1995. 686 с.
29. Єфремов С. Співєць боротьби і контрастів. Спроба літературної біографії й характеристики Івана Франка. Київ : Вік, 1913. 208 с.
30. Єфремов С. О. Іван Франко : критико-біографічний нарис. Київ: Слово, 1926. Вид. 2-ге з дод. 254, [1] с.
31. Заверталюк Н. І. «Модарт і Сальєр» О. Пушкіна в перекладі І. Франка. *Тайни художнього тексту (до проблеми поетики тексту)*. Дніпропетровськ, 2012. Вип. 13. С. 9–16. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Tkht_2012_13_4 (дата звернення: 12.04.2019).

REFERENCES

1. Bogdanova, O.V. (2017), *The modern view on Russian literature of the XIX - mid XX centuries*, 2nd ed. [Sovremennyi vzglyad na russkuyu literaturu XIX - serediny XX vv., izd. 2-e, dop.], IPK Beresta, St. Petersburg, 560 p. (in Russian).
2. Buffon, G.-L.L. de. (1995), "Speech at the entrance to the French Academy" ["Rech pri vstuplenii vo Frantsuzskuyu Akademiyu"], *Novoe literaturnoe obozrenie*, No. 13, available at: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/LITRA/BUFFON.HTM>
3. Burdeha, O. (2008), "I. Franko in the evaluation of S. Yefremov (on the material of work 'A singer of struggle and contrasts')" ["I. Franko v otsitsii S. Yefremova (na materialii pratsi 'Spivets borotby i kontrastiv')"], *Ukrainske literaturoznavstvo*, Issue 70, Lviv, pp. 211-220. (in Ukrainian).
4. Egorov, B.F. (1980), *About mastery of literary criticism. Genres. Composition [O masterstve literaturnoy kritiki. Janry. Kompozitsiya]*, Sov. pisatel, Leningrad, 316 p. (in Russian).
5. Egorov, B.F. (2003), *From Khomyakov to Lotman [Ot Homyakova do Lotmana]*, Yazyki slavyanskoj kultury, Moscow, 363 p. (in Russian).
6. *Encyclopedia of life and work of Ivan Franko* [Entsyklopediia zhyttia i tvorchosti Ivana Franka], available at: <https://www.i-franko.name/ru/HistLit/1889/loannVysshenskyj.html> (in Ukrainian).
7. Franko, I. (1980), "The foreword to 'Perebendia' (To the publication: Shevchenko T.H. Perebendia... Lviv, 1889). Pushkin's influence", *Collected works in 50 vols. Vol. 27* ["Perednie slovo do 'Perebendi' (Do vydannia: Shevchenko T.H. Perebendia... Lviv, 1889). Vplyv Pushkina", *Zibrannia tvoriv u 50 t. T. 27*], *Collected works in 50 vols. Vol. 27*, Nauk. dumka, Kyiv, pp. 285-307, available at: <https://www.i-franko.name/uk/HistLit/1889/PerebendiaPreface/VplyvPushkina.html> (in Ukrainian).
8. Franko, I. (1955), *Works in 20 vols. Vol. 18 [Tvary u 20 m. T. 18]*, Derzhavne vydavnytstvo khudozhnoi literatury, Kyiv, 560 p. (in Ukrainian).
9. Frizman, L. (2017), *Interview about Ivan Franko* [Intervyu ob Ivane Franko], available at: https://www.youtube.com/watch?v=2YLC_yYI-Zw (in Russian).
10. Frizman, L.H. (2017), *Ivan Franko: a look at literature [Ivan Franko: vzglyad na literaturu]*. Izdatelskiy dom Dmitriya Burago, Kiev, 606 p. (in Russian).
11. Gadamer, H.-G. and Derrida, J. (1996), "Hermeneutics and Reconstruction: Discussion of H.-G. Gadamer and J. Derrida", *Word. Sign. Discourse. Anthology of World Literature and Critical Thinking of the 20th Century*

- [“Hermenevtyka i rekonstruktsiia: dyskursiia H.-G. Gadamera ta Zh. Derridy, Slovo y znak. Dyskurs. Antolohiia svitovoi literaturno-krytychnoi dumky XX st.], Litopys, Lviv, pp. 223-226. (in Ukrainian).
12. Holberg, M.Ya. (1999), “Ivan Franko and methodological foundations” [“Ivan Franko i metodolohichni zasady”], *Problemy slovianoznavstva*, Lviv, Issue 50, pp. 23-35. (in Ukrainian).
  13. Holod, R.B. (2006), “Poetics of impressionism in I. Franko’s art” [“Poetyka impresionizmu v khudozhnii tvorchosti I.Franka”], *Ukrainske literaturoznavstvo*, Lviv, Issue 68, pp. 84-91. (in Ukrainian).
  14. Hrushevskiy, M. (2005), “The bright memory of Ivan Franko”, *Works in 50 vols.* Vol. 3 [“Svitlii pamiaty Ivana Franka”, *Tvory u 50-y t. T. 3*], Svit, Lviv, pp. 481-485, available at: <https://www.m-hrushevsky.name/uk/BioStudies/1916/SvitlijPamjatilIvanaFranka.html> (in Ukrainian).
  15. Hundorova, T. (2006), *Franco is not Kameniar* [*Franko ne Kameniar*], Krytyka, Kyiv, 346 p. (in Ukrainian).
  16. Ilnytskyi, M. (1986), “All that was in my life. Story of Ivan Franko ‘Cross-paths’ in the light of the author’s personality” [“Vse, shcho mav u zhytti. Povist Ivana Franka ‘Perekhresni stezhky’ v svitli avtorskoi osobystosti”], *Zhovten*, 1986, No. 8, p. 105-116. (in Ukrainian).
  17. Kaznacheev, S.M. (2006), *Modern Russian poets* [*Sovremennyye russkie poety*], Institut biznesa i politiki, Moscow, 304 p. (in Russian).
  18. Kozlyk, I.V. (2016), Profession through the light of humanity [Profesiia kriz pryizmu liudianosti], Symfonia forte, Ivano-Frankivsk, 228 p. (in Ukrainian).
  19. Nakhlik E. (2018), “Leonid Frizman: A Look at Ivan Franko” [“Leonid Frizman: pohliad na Ivana Franka”], Zbruc’, 15 May, available at: <https://zbruc.eu/node/79826> (in Ukrainian).
  20. Nakhlik, E. and Nakhlik, O. (2011), Ivan Franko and Evhenii Zhelekhivskiy: the amplitude of the relationship [Ivan Franko ta Evhenii Zhelekhivskiy: amplituda vziaymyn], *Ukrainska mova*. No. 3, pp. 3-18. (in Ukrainian).
  21. Oliander, L.K. (2018), “Pushkin in the reception of I. Franko, I. Dziuba, E. Sverstiuk and S. Burago” [Pushkin v retseptsyakh I. Franko, I. Dzyuby, E. Sverstyuka i S. Burago], *Mova i kultura*, Vyd. dim Dmytra Buraha, Kyiv, Issue 21, Vol. IV (193), pp. 244-253. (in Russian).
  22. Oliander, L.K. (2018), “The genre ‘look’ and its modification: monographs by O.V. Bogdanova and L.H. Frizman in the context of the monographs by E.M. Vasilyev, T.I. Hundorova, B.F. Egorova, V.B. Musiy, etc.” [“Zhanr ‘vzglyad’ i ego modifikatsiia: monografii O.V. Bogdanovoy i L.H. Frizmana v kontekste monografii E.M. Vasileva, T.I. Hundorovoy, B.F. Egorova, V.B. Musiy i dr.”], *Pytannia literaturoznavstva*, Chemivtsi, Issue 98, pp. 342-355. (in Russian).
  23. Pastukh, T.V. (1997), *Ivan Franko’s novels: Author’s thesis* [Romany Ivana Franka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk], Lviv, 16 p., available at: <http://cheloveknauka.com/romany-ivana-franko#ixzz5mxByTMyB> (in Ukrainian).
  24. Salyha, T. (2008), *Exaltation of the temple* [*Vozdvyzhennia khramu*], Svit, Lviv, 504 p. (in Ukrainian).
  25. Solovei, E. (2006), “Efremov and Franko (until the 130th anniversary of Sergey Efremov)” [“Yefremov i Franko (do 130-ko rokivny Serhiia Yefremova)”], *Slovo i Chas*, No. 10, pp. 3-6. (in Ukrainian).
  26. Vasylyev, E.M. (2017), *Contemporary dramaturgy: genre transformations, modifications, innovations* [*Suchasna dramaturhiia: zhanrovi transformatsii, modyfikatsii, novatsii*], Tverdynia, Lutsk, 532 p. (in Ukrainian).
  27. Verves, H.D. (1963), “Ivan Franko’s story ‘Lelum i Polelum’” [“Povist Ivana Franka ‘Lelum i Polelum’”], *Mizhslivianski literaturni vziaymyni*, Issue 3, Kyiv, pp. 108-134. (in Ukrainian).
  28. Yefremov, S. (1995), *History of Ukrainian Literature* [*Istoriia ukrainskoho pysmenstva*], Femina, Kyiv, 686 p. (in Ukrainian).
  29. Yefremov, S. (1913), *Singer of struggle and contrasts. Attempt of literary biography and characteristics of Ivan Franko* [*Spivets boroby i kontrastiv. Sproba literaturnoi biohrafii y kharakterystyky Ivana Franka*], Vik, Kyiv, 208 p. (in Ukrainian).
  30. Yefremov, S.O. (1926), Ivan Franko: critical and biographical essay, 2nd ed. [Ivan Franko: krytyko-biohrafichnyi narys, 2-e vyd. z dod.], Slovo, Kyiv, 254, [1] p. (in Ukrainian).
  31. Zavertaliuk, N.I. (2012), “Pushkin’s ‘Mozart and Salieri’ translated by I. Franko” [“Motsart i Salieri” O. Pushkina v perekladi I. Franka], *Tainy khudozhnoho tekstu (do problemy poetyky tekstu)*, Issue 13, pp. 9-16, available at: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Tkht_2012_13_4 (in Ukrainian).